

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И СЛАВЯНСКИХ СТРАН В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А. А. Копнин

Культурное пространство России — особая духовно-практическая сфера. Она не совпадает ни с государственными границами страны, ни с ареалами расселения этнических русских по миру. Скорее, понятие «культурное пространство» обозначает принадлежность субъекта (индивидуального либо коллективного) к определённой модели культуры — русскому национально-культурному типу.

Параметры, определяющие такую принадлежность, носят комплексный характер. Традиции отечественной философской публицистики издавна связывали толкование слова «русский» с православием (которое, в свою очередь, понималось в качестве особой духовно-идеологической матрицы, «интегрирующей» сложное, разнородное в своей основе культурное целое России). Действительно, полиэтничность — историческая черта культурного пространства нашей страны. Вместе с тем ещё в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона похвальное слово крестившему Русь князю Владимиру содержит императив признания покровительственного отношения князя — главы государства — ко всем своим подданным, включая язычников. Получается, что православие не только форма хранения собственно религиозных знаний и навыков о *правильном* пути данного народа к Богу. Понимая себя как *единственно* правильный путь, оно вместе с тем оставляет за человеком свободу поиска правильности как истины, свободу выбора и право на ошибку.

Мудрость подобного подхода трудно переоценить, как трудно переоценить его духовный (а в равной мере социальный, экономический и политический) потенциал. Россия, чьи города «Путята крестил огнём, а Добрыня — мечом», Россия, получившая позднее суровое прозвание «тюрьмы народов», уже в своей ранней «философии права» была страной, провозгласившей «государственнический» принцип объединения земель. И, что особенно важно, духовные высоты этого подхода предполагали *милость* к тем подданным, которых «ждёт великое будущее» христианизации (М. Н. Громов). Не казни и преследования, а спокойное, терпеливое ожидание духовного озарения — именно такова теоретическая позиция русской философской мысли в её истоках по вопросу роли православия в культуре и его объединительной социальной функции. Надо ли говорить, что на деле эта позиция работала далеко не всегда?.. Но вместе с тем оставалась той вершиной государственного подхода, которая своим присутствием в социальном пространстве дарила ему культурное измерение; обращая «землю» — в «мір», а землелашца — в крестьянина («хрестьянина»)...

Русский мир, существуя как культурное целое, оказался, таким образом, связанным с землёй именно в культурном смысле — смысле возделывания, культивирования, обработки того, что в русском языке носит полисемантическое название «образование» и соответствует греческой «пайдей».

Соответственно для того, чтобы быть русским в культурном понимании этого политонима («православным»), необязательно принадлежать к этническому сообществу великороссов или малороссов (последнее, заметим, сегодня представляет собой очень популярный в Украине вариант этнокультурной самоидентификации). «Россы» позвали под своды своего государства множество других этносов, принёсших с собой разнообразие традиций, жизненных укладов; поликонфессиональность, наконец. Но ничто из этого разнообразия не разрушило российское государство. Напротив, в большинстве случаев именно разнообразие, собранное в единство, служило источником его силы и могущества. Для сравнения можно привести пример из современной генетики: наличие генетического разнообразия дикорастущих видов культивируемых злаков служит для учёных-селекционеров источником отбора перспективных качеств культурных растений, повышающих их народнохозяйственное значение.

Таким образом, изначально русское государство конституировалось как открытый тип культуры. Открытый не в смысле своей «беззубости» и «всеядности» по отношению к иным национально-культурным типам, но в смысле наличия установки на «резонансную свободу» его граждан — граждан, составляющих единое социально-государственное целое на основе «единства непохожих» (Аристотель).

«Языки» притекали на Русь и путями военных захватов воинственными россами, и путём мирных присоединений, и путём «добровольного вхождения». Так, например, в своё время вожди башкирских племён решили, что лучше принять покровительство Московского князя, «который далёко» и не будет вмешиваться в их дела, чем иметь дело с Сибирским ордынским ханом, «который близко». Сегодня подобный тип присоединения в культурном смысле может быть спроецирован на «внутреннюю» миграцию российского населения (речь идёт о межрегиональных перемещениях в рамках единого государства), а также на один из потоков «внешней» миграции (имеются в виду *иммигранты*, т. е. лица, перемещающиеся в страну «извне»). В обоих случаях речь идёт о проблеме восприятия русской культурной матрицы представителями иных культурных типов. Эта матрица отождествляется именно с политонимом «русский», то есть с трактовкой данного понятия в национально-культурном и гражданском (но отнюдь не в этнонациональном или националистическом) смысле.

Значит ли это, что мигрант как бы теряет свою этническую принадлежность? Конечно же, нет. Однако «кровь», обычаи, традиции, ценности — религиозные, этические и эстетические — остаются в этом случае групповым и персональным «функтором»; тогда как «интегратором» более высокой степени общности (и соответственно значимости) выступает «русскость» как культурно-гражданская принадлежность.

Отдельного рассмотрения заслуживает и такой поток «внешней» миграции, как *эмиграция*. Выезжающие из страны русские люди, оставаясь по национальности великороссами, украинцами, белорусами, казаками, марийцами, евреями и т. д., вливаясь в культурно-национальные общности других государств, в первом (по крайней мере) поколении остаются русскими, уверенно идентифицируя себя с рус-

ской культурой, её духовными основаниями и традициями. Уже для второго поколения эмигрантов такая самоидентификация становится проблематичной, так как во многих случаях «теряется язык» (даже если он используется в семье, неизбежно проявляется постепенное «обеднение» активного лексикона, прежде всего в силу утраты владения синонимическими рядами и распознавания аппарата антонимов, упрощение грамматических конструкций и т. п.).

Особо выделим так называемую «внутреннюю эмиграцию» — психологическое состояние отрешённости от социального целого из-за несогласия с проводимой властными структурами политики (прежде всего внутренней). Подобная «эмиграция» никак не связана с географическими перемещениями — можно «сидеть на месте» и вместо участия в трудовых подвигах или работы в домкоме слушать классическую музыку и рассматривать альбомы. Таким образом выражается пассивный протест против тоталитарных или близких к ним по духу режимов, «зажимающих» свободу личности. Исповедующий «внутреннюю эмиграцию» человек нередко полагает себя «гражданином мира», противопоставляя свой образ жизни насильно, исходящему от конкретного государственного механизма.

Вместе с тем на деле такой «гражданин мира» нередко остаётся в числе немногих «трансляторов» подлинной национально-культурной духовности. Именно его усилиями сохраняется культурная память о включённости национальной культуры в контекст мировых достижений человеческого духа (в том числе и в тех формах, которые открывает национальная культура). Примером «включённости» такого рода, которая на поверку вовсе не является пассивностью (это скорее особого рода «смирная активность»), выступают русские интеллигенты, сохранившие память о дореволюционной культуре России, знание иностранных языков и культурных традиций — отечественных и иностранных, включая традиции религиозные, — несмотря на гонения и запреты советского периода. Не всем дано было умереть за веру, став новомучениками; не все ушли в катакомбы.

Если говорить о преемственности традиций русской культуры, то можно с уверенностью утверждать, что их «сохранность» в народе оказалась столь высокой именно потому, что в Советской России были рядовые «внутренние эмигранты», способные пронести через страшные времена прямых и косвенных репрессий память об истинных ценностях русской культуры. Именно этим «стоит» русский народ, именно об этом писали такие выдающиеся русские эмигранты, много сделавшие для отечественной культуры, не разорвавшие духовные корневые связи с ней, как Н. А. Бердяев и митрополит Антоний Сурожский (Блум), — представители Русской Православной Церкви, не прервавшие духовного общения с ней и в годы изгнания.

Однако вернёмся к эмигрантам «реальным». Примечательно, что представители «перестроечных» и «постперестроечных» потоков эмигрантов сегодня отчетливо осознают значение образования в деле сохранения своей принадлежности к русской культуре, которую они не хотят терять, живя за рубежом. «Проблему языка» (в широком смысле) они стремятся решить путём создания качественных языковых школ с изучением русского языка и культуры для своих детей.

Здесь мы сталкиваемся с «подсказкой», нерелективным образом освоенной культурой в качестве механизма самовоспроизводства. Имеется в виду то самое *образование*, о котором шла речь выше в несколько ином контексте. Оказавшись за рубежом (нередко — в поисках лучшей жизни с использованием брачного «лифта» миграции) наши бывшие соотечественники (и особенно — соотечественницы) довольно быстро убеждаются, что «хорошо там, где нас нет». Психологи отмечают: стремление сохранить для детей свой собственный родной язык, видимо, заложено в глубинных слоях женской психики. Это не просто долг трансляции базовых ценностей материнской культуры; это ещё и вполне прагматическая возможность «не терять детей», включающихся в инокультурную среду значительно быстрее своих родителей и оказывающихся по этому признаку неизбежно дистанцированными (в лучшем случае) от них. Выход напрашивается сам собой: дать детям образование на русском языке. Сначала — в школе, затем — в вузе. Однако далеко не все «вторые половинки» легко соглашаются с такой идеей. Также чувствуя ответственность за судьбу ребёнка, «инокультурный родитель» фактически повторяет — теперь уже сознательно — некогда наивный ход рассуждений своей русской избранницы: здесь жить лучше, и адаптироваться нужно к жизни здесь, а не «там», в России.

Соответственно в лучшем случае к образованию на русском «культурном субстрате» относятся как к возможному «запасному аэродрому» или сравнительно невинной безделице, в любом случае не определяющей жизненный выбор. В худшем — категорически блокируют стремление к поддержанию русской культурно-языковой самоидентификации как «противной» духу собственной страны и культуры. Подобный «иммунный конфликт», если он возникает, всегда травматичен для ребёнка и часто оказывается причиной конфликтов в семье и даже разводов. Причём всё чаще «русские дети» становятся заложниками родителей-иностранцев, которые категорически возражают против их общения с русскими мамами (не только в силу возможных «негативных последствий» такого общения для «неокрепшей детской психики»; но в том числе и потому, что хотят в корне пресечь «бикультурность» собственного ребёнка). Вначале привлекательная оригинальность русской пары в связи с её «чуждым» культурным влиянием подсознательно воспринимается как угроза безраздельному господству ценностей отцовской культуры и, следовательно, господству отца в психологическом пространстве ребёнка и семьи в целом.

Иногда «культурная несоизмеримость» брачной пары выглядит почти анекдотично, хотя на уровне интимно-психологических переживаний предстаёт трагической. Такие ситуации имеют место в том случае, если процесс «вживания» в чужую культуру не стал в первый ряд психологических задач, а рефлексия над ним не вытеснила непосредственные переживания на второй план, заставляя отнестись к ним с некоторой долей юмора. Так, например, молодая русская жена, хорошо образованная, тактичная и любящая своего мужа-англичанина, совершает подвиг, зашив порвавшийся рукав его рубашки. На утро, обнаружив своё произведение в баке для мусора, стоящем у дома на улице, она впадает в истерику, вызванную, по существу, культурным шоком. Любящий муж её не понимает: «У нас не принято носить защитные вещи», — говорит он. Впрочем, сознание некоторой деликатности

ситуации с его стороны всё-таки присутствует, поскольку он не воспользовался мусорным ведром, стоящим в доме, а предусмотрительно определил ненужную вещь в уличный контейнер. Правда, его жена смогла рассказать об этом с улыбкой только через полгода...

Порой складываются парадоксальные в буквальном смысле ситуации, когда разница «культурных кодов» воспринимается иностранными супругами русских крайне агрессивно и конфликтно именно из-за непонимания неизбежно существующей здесь проблемы. Так, например, супруга немецкого банкира была передана им полиции, заключена под стражу, а затем помещена в психбольницу из-за того, что «кормила двухлетнего сына жжёными спичками». Страшный курьёз случился потому, что вернувшийся в неурочный час немец застал свою «половину» (кстати, уроженку Сибири) за попыткой очистить кишечник малыша при помощи полученного примитивным образом активированного угля. Ребёнок слегка отравился, и сибирячка в немецких условиях сделала то, что в медицинских целях делали сибирские крестьяне из поколения в поколение... Неприятие русской бытовой медицины немецкой академической медицинской традицией повлекло за собой немедленный развод. Ребёнка оставили отцу; мать выслали из Германии¹.

Несколько мягче законодательство США, которое позволяет представителям проживающих здесь «меньшинств» (включая русских) хранить в неприкосновенности свои национальные традиции. Известна история, когда молодой русский американец — школьник — по ошибке принёс в школу перочинный ножик, что категорически запрещено школьным уставом (накануне он брал ножик с собой в лес, когда ходил туда с родителями за грибами). Обнаружив недозволённый предмет в кармане куртки, ребёнок решил обсудить проблему с одноклассником. Тот, недолго думая, побежал жаловаться учительнице. Меры, предпринятые школой, не укладываются в сознании представителя отечественной культуры. Впрочем, на следующий день мальчик всё же опять пошёл в школу, где позвал обидчика в туалет и мокнул головой в унитаз, приговаривая, что именно так поступают с предателями. И пришлось бы малышу проходить дальнейшее обучение в специализированной школе, где на окнах решётки, а по классу прогуливается во время урока полисмен, если бы его мама не оказалась продвинутой журналисткой, обратившейся к руководству школы с требованием прекратить преследования её ребёнка по национально-культурному признаку. «В России предателей мочат в сортире. Это — наш национальный обычай!» — заявила она директору, воспроизведя известное высказывание тогдашнего президента России В. В. Путина. Инцидент был исчерпан. К счастью, папа в этой истории тоже был эмигрантом из России, так что проблем с его стороны не возникло.

Разумеется, любящие люди решают сходные проблемы без описанного выше некритического радикализма. Однако давно замечено, что по-настоящему влюблённые иностранцы готовы ехать за своими избранницами в Россию, несмотря на все её «нестроения». В любом случае, объединив усилия, любящая пара, как правило, стремится дать своему потомству билингвистическое и бикультурное образование (при полном понимании тех трудностей, включая психологические, которые связаны с его получением). Его русский компонент в этом случае воспринимается как

элемент высокой культуры, поднимающий, а не принижающий развитие сознания ребёнка. Правда, для осознания таких вещей требуется очень высокий уровень общей культуры от обоих родителей, сравнительно редко встречающийся не только за пределами России, но и в ней самой, что с особой остротой ставит задачу трансляции культурного наследия в его высоко духовных формах.

Современная образовательная политика внутри России применительно к проблеме адаптации мигрантов представляет собой развёрнутую систему мероприятий, позволяющую детям мигрантов адаптироваться в русском культурном пространстве без особых препон со стороны властей. Так, Федеральная миграционная служба регулярно выделяет так называемые «квоты» на получение гражданства детям иммигрантов, которые в силу тех или иных причин нуждаются в нём (согласно заверённому заявлению родителя или законного представителя ребёнка и согласия другого родителя, если он есть). Вместе с тем неверно думать, что для обучения в российской средней школе детям мигрантов нужны документы о наличии российского гражданства и о регистрации (временной либо постоянной). Им достаточно указать в заявлении адрес фактического проживания и иметь свидетельство о рождении². Подобная политика, кстати, осуществляется такой европейской страной, как Австрия: ребёнку вплоть до 16 лет, записавшемуся в школу, в этой стране не могут отказать в получении бесплатного среднего образования. Другое дело, что отсутствие уверенного знания немецкого языка не позволит продолжить образование в гимназии, в свою очередь дающей возможность продолжить образование в университете.

О получении среднего образования детьми мигрантов встаёт вопрос и тогда, когда родители имеют постоянную работу на территории РФ и проживают при этом со своими семьями. Для Москвы³ серьёзные масштабы приняла ныне миграция из среднеазиатских республик, в частности из Таджикистана. Примечательно, что мигранты из славянских регионов Молдовы и украинцы редко стремятся перевезти в столицу свои семьи, видимо в силу дороговизны жизни, в то время как живущие «клановым» способом таджики (особенно выходцы из Куляба) или коренные жители Закавказья (Грузия, Армения, Азербайджан) вполне в состоянии поддерживать семейное проживание в Москве своих соотечественников⁴.

В этой среде имеются серьёзные проблемы, затрагивающие «перекрестье» образовательной и миграционной политики: дети мигрантов из этих областей редко владеют русским языком на уровне, превышающем бытовой разговорный. «Язык рынка», как и «язык бытовки», становится для них первым (а в ряде случаев — единственным) языком, репрезентирующим «великий и могучий русский язык». Причём проблема здесь, разумеется, не в отсутствии других уровней в армянском или, например, таджикском. Семьи, в которых воспитываются эти дети, не владеют уровнем высокой культуры языка (а иногда и развитыми формами абстрактного мышления) и в рамках своей «исходной» культурной ориентации, а не только на «неродном» для них русском.

На плечи русской школы (а затем и вуза) ложится труднейшая задача культурной адаптации детей мигрантов к научному уровню мировоззрения, освоения ли-

тературного языка или, скажем, математики как абстрактной научной дисциплины, несводимой к подсчёту мелкой сдачи или крупной выручки... В силу отсутствия специализированных программ такие дети оказываются в классах московских школ в условиях, когда они вынуждены осваивать общую программу наряду с теми детьми, которые сравнительно лучше подготовлены для такого освоения. Метод интенсивного «включения» в русскую культурную среду здесь, конечно, срывает. Но ровно до тех пор, пока слабо подготовленные дети не составляют больше пороговой «критической массы» (около 1/5 учебного коллектива). Однако известно, что в «обычных» московских школах нередко таких детей сегодня большинство, в том числе и в силу особенностей демографической ситуации в России.

Подчеркнём: проблема не в том, чтобы избавляться от слабо подготовленных в культурном смысле детей мигрантов, закрыв им доступ к среднему образованию или сведя его к коммерческой основе. Такой подход был бы непростительной ошибкой. Однако политика в данной сфере, во-первых, должна *быть*; а во-вторых, она должна ориентироваться на разноуровневый характер обучаемых и строить программы с учётом статистики в данной сфере, опираясь не только на метод «интенсивного включения», но и на создание расширенной сети дополнительных *культуролого-языковых образовательных ресурсов*. Причём, коль скоро государство заинтересовано в сохранении существующих масштабов миграции в страну, ему же предстоит позаботиться о повышении образовательного уровня тех, кто здесь «задержится». Близорукая политика «придерживать» уровень их интеллектуального развития, дабы не создавать излишнюю конкуренцию «коренному населению» в сфере престижных профессий, в обозримом будущем не принесёт ничего, кроме роста социальной и национальной напряжённости. Предотвратить её негативные последствия может лишь продуманная, системная и финансово обеспеченная политика в данной области, разработанная с участием специалистов-культурологов.

Получение иностранными гражданами высшего образования в России в основном производится на платной основе. Однако в ряде случаев допускается обучение на бюджетных местах⁵. Не секрет: сегодня во всём мире наиболее серьёзными потребителями платных образовательных услуг большинства естественнонаучных направлений становятся китайцы. Параллельно музыкальные вузы России открывают свои двери для представителей Республики Кореи и ряда других стран, откуда прибывают музыкально и художественно одарённые абитуриенты. Примечательно, что, допустим, при обучении в магистратуре физического факультета МГУ китайскому студенту не требуется диплом бакалавра по физике. Знание русского языка также не является обязательным условием — его будущие магистранты осваивают в течение года предвузовской подготовки (кстати, аналогичные правила существуют для математических направлений, скажем, в Великобритании и США). Нередко для китайских студентов такого рода обучение становится «пропуском» для дальнейшего получения работы в России, а также для активно стимулируемого китайским государством освоения всех мало-мальски «стоящих» российских технологий научного и производственного характера.

Что же привлекает иностранных учащихся в обучении в российских вузах? Ответ очевиден: образование, которое эти вузы дают, всё ещё имеет сравнительно высокий уровень, являясь более дешёвым, чем в других странах (в том числе, за счёт минимизации расходов на жильё и стипендию).

И хотя рейтинг Московского университета имени М. В. Ломоносова в последнее время заметно упал (правда, в последний год наметилась тенденция если не возвращения утраченных позиций, то по крайней мере некоторого повышения), а цены на образование в ведущих вузах Москвы вполне могут состязаться с ценами на аналогичное образование в Европе (например, в Германии и Италии), — российское образование всё ещё отстаёт по своим «расценкам» от Оксфорда, Кембриджа, Принстона и Йеля, оставаясь тем не менее в одном ряду с этими прославленными университетами по своему историческому и геополитическому значению.

«Осесть» в России предпочитают также те, кто связывает перспективы своего благополучия со сферой торговли, совместными предприятиями (например, российско-китайскими) и т. д. Такого рода миграция предполагает включение иностранных специалистов в экономику нашей страны на условиях, имеющих положительную перспективу для России. Вместе с тем контроль со стороны государства здесь необходим, поскольку в российских компаниях (в том числе и совместных) по понятным причинам сегодня возрастает спрос на россиян (независимо от их этнической принадлежности, но в полной зависимости от той системы национально-культурных и — главное — государственных приоритетов, которые они разделяют).

На сегодняшний день в нашей стране существует незначительный поток эмигрантов из славянских стран. Его численное выражение зависит и от сравнительно малой привлекательности России для тех из них, кто оказался в зоне ЕС; и от сравнительной «бедности» жителей большинства славянских стран, вследствие чего выбор в пользу жизненной перспективы для своих детей они делают исходя из представлений о «процветающем Западе», часто довольно хорошо ориентируясь в реальных экономических трудностях жизни в сегодняшней России. Вдобавок цены на российское образование для большинства выходцев из этих стран кажутся завышенными. В сочетании с отсутствием особых экономических перспектив это даёт эффект психологического отторжения. Так, для представителя средней семьи из Словакии обучение в российском вузе возможно только в случае получения государственного гранта на образование, выиграть который можно, например, принимая участие в различных олимпиадах, конкурсах на знание русского языка и культуры и т. д. Сходную политику проводит сегодня Сербия⁶.

Напомним: в последние годы всё чаще раздаются голоса аналитиков, утверждающих, что Балканы (и Сербия, в частности) — это тот самый полигон, где «Запад» отработывает сценарий того, «что дальше делать с постсоциалистическим миром». Стремясь стать членом ЕС, Сербия тем не менее остаётся сравнительно бедной окраиной «Единой Европы». Сходная ситуация наблюдается в Болгарии, уже ставшей членом ЕС, но не получившей тех социальных «привилегий», которые отличают уровень жизни (включая доступность образования) более «продвинутых» членов этого объединения.

«Ориентация на Запад» сказывается не только в калькировании общей структуры образования (школьного и вузовского, — знаменитый «Болонский процесс»), но и в декларируемых целях образовательной системы славянских стран: дать молодёжи шанс уехать на ПМЖ в Западную Европу. Последнее выглядит тем более странно на фоне законодательных актов самой Западной Европы, блокирующих доступ рабочей силы из стран Восточной Европы (выделяя для них так называемый «переходный период»).

Существенным представляется тот факт, что в русле этой политики многие славянские страны, увеличив в среднем до 12 лет цикл получения полного среднего образования, снизили минимальный «порог» обязательного среднего образования. В Польше «основное среднее образование» составляет с 1999 г. 6 лет, хотя обязательным считается получение образования вплоть до 18-ти лет⁷; в Сербии⁸ и Болгарии — 8 лет — т. е. до достижения подростком возраста 15-ти лет (хотя в некоторых случаях продолжить обучение в профессионально-технических школах можно и после 7-летнего обучения)⁹. Для сравнения: в Чехии обязательным является 9-летнее школьное обучение¹⁰, причём дальнейший его цикл, позволяющий претендовать на получение высшего образования, составляет 4 года¹¹.

Аналитики отмечают рост цен на «образовательные услуги» среднего звена (включая не только рост числа коммерческих частных учебных заведений, но также «скрытые поборы» в государственных бесплатных школах). Так, школьное обучение в частных школах Болгарии колеблется в пределах от 700 до 2 600 евро¹²; государственные школы, по идее бесплатные, в свою очередь берут деньги «по русской схеме» за дополнительные занятия (язык, рисование, музыка и т. д.).

В то же время в славянских странах сегодня имеется теоретическая возможность получать среднее образование бесплатно — как резидентам, так и иностранцам (включая мигрантов)¹³. Граждане, включая иностранцев, должны иметь соответствующие документы (свидетельство о рождении и справку об окончании последнего класса школы, если ребёнок обучался ранее в другой стране)¹⁴. С другой стороны, законодательно предписано брать с иностранцев плату за обучение в средней школе 1 200 евро в год. Этот парадокс, по-видимому, позволяет родителям «договариваться» с руководством государственной школы о возможности «привести» ребёнка по тем или иным спискам.

Вузовское образование в рассматриваемых славянских странах не является обязательным. В Чехии, Польше и Болгарии возможно бесплатное обучение резидентов и нерезидентов страны за счёт специализированных грантов, стипендий и т. п. Однако условия получения таких грантов предполагают наличие у абитуриентов дополнительных знаний не только официального, но и более широкого культурологического характера. Важен и язык, на котором ведётся обучение. Из перечисленных стран только Сербия производит обучение по-английски. В остальных случаях предполагается освоение языка страны, на которое, как правило, вузами выделяются время и деньги. Однако, например, в Чехии (в отличие, скажем, от Болгарии) обучение чешскому языку нерезидентов осуществляется исключительно на платной основе. В любом случае конечная цель здесь не носит характер госу-

дарственной задачи обеспечения страны высококвалифицированными трудовыми ресурсами, а сводится именно к предоставлению образовательных услуг, позволяющих свободно перемещаться (мигрировать) в пределах европейских стран и США.

Добавим также, что наша страна за последние 20 лет утратила ряд привилегий, имевшихся у неё ещё недавно в славянских регионах мира. Однако поколение, для которого русский язык был языком межнационального общения, языком великой культуры и приобщения к общемировым достижениям науки, культуры и искусства, находится сейчас в расцвете своих сил. Не использовать возможности, открывающиеся в связи с этим, было бы весьма недальновидно.

¹ Ср.: *Бобырев В. В.* Организационно-правовые основы кадрового обеспечения деятельности полиции государств Западной Европы: Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук. – М., 2002. – С. 3–20.

² См.: <http://edu.rin.ru/html/1680.html> (дата обращения 17.01.2010).

³ См.: Проблемы и практика регулирования социальных отношений на примере города Москвы и городов Германии. – М.: МГУУ Правительства Москвы, 2005. – С. 34.

⁴ Проблемы экономической безопасности в условиях крупного города / Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. – М.: МГФ «Знание», 2005. – С. 48–56.

⁵ Согласно «Ответам Федеральной миграционной службы России» в России для иностранцев возможно обучение в вузе на бюджетной основе // <http://www.russia.edu.ru/faq/2578> (дата обращения 17.01.2010).

⁶ Так, по итогам олимпиады по русскому языку ЛИК (литература, искусство, культура) многие сербские школьники получают возможность обучения в России // <http://www.russia.edu.ru/news/events/lik/2734/> (дата обращения 17.01.2010).

⁷ <http://charko.narod.ru/tekst/an7/5.html> (дата обращения 17.01.2010).

⁸ [http://siteresources.worldbank.org/EXT/ECAREGTOPEDUCATION/Resources/444607-1192636551820/4293995-1193243530233/CP_Serbia_VET_\[revised\]](http://siteresources.worldbank.org/EXT/ECAREGTOPEDUCATION/Resources/444607-1192636551820/4293995-1193243530233/CP_Serbia_VET_[revised]) (дата обращения 11.02.2010).

⁹ <http://sunny-house.ru/main/about-bulgaria/obrazovanie-bolgary> (дата обращения 17.01.2010).

¹⁰ <http://www.datarent.ru/en/2684/3194> (дата обращения 17.01.2010).

¹¹ <http://www.property-info.cz/wopr.php?idw=11> (дата обращения 17.01.2010).

¹² По данным russkayagazeta.com (дата обращения 05.02.2010). По другим данным частные школы на сегодняшний день требуют от 1 700 до 3 500 евро. См.: <http://sunny-house.ru/main/about-bulgaria/obrazovanie-bolgary> (дата обращения 05.02.2010).

¹³ См.: [http://siteresources.worldbank.org/EXT/ECAREGTOPEDUCATION/Resources/444607-1192636551820/4293995-1193243530233/CP_Serbia_VET_\[revised\]](http://siteresources.worldbank.org/EXT/ECAREGTOPEDUCATION/Resources/444607-1192636551820/4293995-1193243530233/CP_Serbia_VET_[revised]) (дата обращения 17.01.2010).

¹⁴ Образование в Болгарии // <http://sunny-house.ru/main/about-bulgaria/obrazovanie-bolgary> (дата обращения 17.01.2010).